

А. П. Иванова о лампах* и литографированный курс Б. Монаша по освещению** — вот все, что тогда было мне доступно из литературы. Я стал читать журналы — гл[авным] образом «Licht» и «Lampe», — и постепенно все больше и больше сведений у меня накапливалось. В марте 1924 г. я перешел на работу в правление ЭТЦР в качестве инженера лампового отдела. Так произошло еще большее мое приближение к светотехническим делам.

Я теперь вспоминаю, что работал я тогда очень много, изучал вопросы светотехники, правильнее: техники электрического освещения. Результат оказался весьма положительным. На фоне низкого уровня знаний в области светотехники, который был в то время характерен для наших специалистов, я оказался не очень уж низким специалистом. Меня пригласили вести в проектировании по электрификации промпредприятий руководство осветительной частью. Электрическую часть проектов вели Я. Б. Швагер и Н. А. Попов. Работал я в Моск[овском] электротехникуме (Кропоткинск[ая] наб[ережная], 11) до 1928 г. Так как большинство техников делало дипл[омный] проект по электрификации пром[ышленных] предприятий, то мне пришлось быть среди руководителей дипл[омных] проектов почти всех выпускников этой школы периода 1925–1928 гг.

В 1925 г. я временно преподавал курс светотехники в ГЭМИКШе. От этой школы у меня создалось тогда самое сумбурное впечатление, оно таким же осталось до сих пор. Старик Каган-Шабшай поставил мне условие: читать не только курс электрического освещения, но и ... сети. Не было преподавателя по этому предмету. По вечерам, в полутьме, среди явно утомленных и солово глядевших слушателей мне приходилось читать лекции. На скамьях сидели то одни, то другие слушатели. Вся система обучения производила явно хаотическое впечатление. В апреле 1927 г. я ведение занятий прекратил.

В ЭТУР я начал с работы в качестве инженера лампового отдела, но постепенно на меня возложили и вопросы производства арматуры, частично и установочного материала. Электропромышленность должна была значительно расширяться, намечалась постройка ряда новых заводов. При мне был маслостойкий завод за Покровской Заставой превращен в стекольный завод (для колб и дров), получен б[ывший] зав[од] Проводник, на котором создан Электрозавод, объединены моск[овские] арматурные фабрики (мелкие, кустарного типа) в большую фабрику, занявшую корпус на М[алой] Ордынке. Разрозненные ламповые фабрики — Кудринская, Мещанская и Покровская — объединились в МОФЭЛ***, занявший помещение б[ывшего] Елаховского ломбарда (теперь, в 1946 г., в этих зданиях Моск[овский] рентген[овский] завод). В 1927 г. короткое время — $\frac{1}{2}$ года — был я гл[авным] инженером Моск[овской] арматурной ф[абри]ки, но не мог сжиться с кустарщиной, которая там царила, и с грубостью директора К. В. Осипенкова и скоро с фабрикой расстался.

Весной 1927 г. ...****

Ноябрь 1946 г.

РГАЭ. Ф. 49 (Белькинд Лев Давидович). Оп. 1. Д. 697. Л. 37–40.

· Публикация М. В. Калашиниковой

* *Иванов А. П.* Электрические лампы. [Петроград, 1923.]

** *Монаш Б.* Электрическое освещение. Издание кассы взаимопомощи студентов Санкт-Петербургского политехнического института Императора Петра Великого. СПб., 1910.

*** Московское объединение фабрик электрических ламп.

**** Здесь автобиография обрывается.

НА ЗИГЗАГАХ ИСТОРИИ И НАУКИ

Интервью с Ольгой Александровной Лежневой*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «...ЧТО СМОГЛА — СДЕЛАЛА»

В. П.: Ольга Александровна, итак, переходим к науке. Точнее, к Вашей работе в нашем Институте.

О. А.: В этот период моей жизни — а это почти пятьдесят лет — зигзаги истории сказывались уже непосредственно на тематике исследований, не затрагивая «линию судьбы». В то время академический институт — учреждение, финансируемое государством, где работа шла по плану, который утверждался Президиумом Академии наук и соответствовал установкам ЦК КПСС. Чем выше статус ученого, тем больше у него было возможностей «удовлетворять свое любопытство за счет государства». Я цитирую по памяти выражение Л. А. Арцимовича. У меня такой возможности не было — не было собственного творческого пути.

В. П.: Официальное заявление делаете?

О. А.: Да, да. Делаю официальное заявление. Чтоб никто не говорил, что она разрасывалась. Она не разбрасывалась. Ее разбрасывали.

С. С.: С чего началась Ваша работа в ИИЕ?

О. А.: Как и при определении темы кандидатской диссертации, установка была на историю отечественной науки. В Институте истории естествознания возник грандиозный замысел создания многотомной «Истории естествознания в СССР» начиная с древнейших времен.

С. С.: А разве намечалось не издание «Истории науки и техники в СССР»?

*О. А. Лежнева. Май 1990 г.
Фото А. Н. Кривомазова*

О. А.: Нет, это позже, в ИИЕТ. А в ИИЕ до объединения с Комиссией по истории техники речь шла только о естествознании. В. П. Зубову было поручено написать вводный историографический том. Он выполнил это с блеском: создал фундаментальный труд — образец историографического исследования. Я должна была написать историю физики в России до 1917 г. Но параллельно помогать Д. Д. Иваненко срочно готовить раздел физики для предназначенного к обсужде-

* Окончание. Начало см.: ВИЕТ. 1998. № 2. С. 180–195.

нию макета книги «История естествознания в СССР. Том III. Развитие естествознания в советский период».

В. П.: Это была достаточно солидная работа?

О. А.: Сейчас посмотрим. Объем тома в целом — 678 с. Текст раздела «Физика» — 118 с., упомянуто около 300 советских физиков. Макет вышел в 1952 г., экземпляры нумерованные. Моя помощь заключалась в поисках первоисточников для проверки отдельных фактов. Дмитрий Дмитриевич относился к истории как к точной науке. Не знаю, кто и где обсуждал макет, но света он не увидел.

С. С.: Что еще Вам запомнилось из тех лет в ИИЕ?

О. А.: Железная дисциплина явки к 9 часам утра на работу, возвращения с обеденного перерыва и ухода домой. Фундаментальная библиотека общественных наук на улице Фрунзе (ныне Знаменка) выделила для ИИЕ только две комнаты, младшие сотрудники работали в читальном зале, профессора — где считали нужным. В общем, академический стиль заседаний, общения существенно отличался от университетского — блеск, юмор.

В. П.: С чего началась Ваша работа над историей физики в России для «зеленых томов»?

О. А.: Для меня это была очень трудная задача. Слишком велик был контраст между анализом деятельности одного ученого с ограниченной тематикой на протяжении полувека и синтезом идей и открытий десятков отечественных физиков и геофизиков за два столетия. Совершенно новой была для меня предыстория физики в России: практические достижения народа в технике, а также «книжная премудрость» в переведенных на русский язык трудах античных и средневековых авторов.

Надо вспомнить, что, когда я училась в школе, вместо истории преподавали обществоведение — последовательность революций, начиная с Великой Французской. Имена греческих философов мелькнули только в аспирантуре, в лекциях

проф. О. В. Трахтенберга. По истории, собственно, физики в России было на что опереться, особенно если речь шла о выдающихся ученых. Прекрасный материал имелся в «Очерках по истории физики в России» (1949), авторы которых — ведущие профессора Московского университета. Но здесь тоже акцент на характеристиках знаменитых ученых, а обзоры не охватывали весь спектр тематики исследований. В процессе работы я знакомилась с появлявшимися дипломными работами и диссертациями учеников А. К. Тимирязева и П. С. Кудрявцева о менее известных русских физиках — Ф. Н. Шведове (В. В. Гречухин, Воркута), Д. А. Гольдгаммере (Э. А. Вебрас, Москва), А. И. Садовском (В. Ф. Максимов, Тамбов), П. А. Зилове и Р. А. Колли (Г. М. Тепляков, Тамбов). Чуть позже в такую работу включились ленинградцы — ученики К. К. Баумгарта, в частности А. Н. Осиновский, много потрудившийся над созданием во Владимире Музея братьев Столетовых.

Из 11 авторов первых двух томов «Истории естествознания в России» трое были начинающими историками науки — И. В. Батюшкова, Ю. И. Соловьев и я. Причем геолог И. В. Батюшкова — единственная из нас — написала соответствующий раздел и в упомянутом макете, посвященном советскому периоду. При подготовке второго тома большим облегчением для меня было согласие П. С. Кудрявцева присоединиться к этой работе. Без моего ведома в оглавлении второго тома авторов объединили. Я была недовольна, и Н. А. Фигуровский выдал мне официальный документ о том, какие разделы написаны мною. Пользуюсь случаем, чтобы перечислить их: «Научные центры русской физики»; «Учение об электричестве и электромагнитная теория света»; «Акустика» (при участии О. П. Миридоновой); «Физика атмосферы» и «Физика моря». Другие разделы, относящиеся к геофизике, написал А. Е. Медунин. Он в то время работал над диссертацией по истории гравиметрии. Я не считаю «Физику» в «зеленых томах» шедевром. Но это шаг вперед по сравнению с университетскими «Очерками по

* Речь идет о книгах «История естествознания в России». Т. I. Ч. 1, 2. 1957; Т. II. 1960.

О. А. Лежнева. 1955 г.

истории физики в России». Там были именно отдельные очерки, а здесь систематическое изложение и существенно расширенный круг проблем и героев повествования.

С. С.: Ольга Александровна, а Вы заметили 1953 год — год рождения ныне существующего Института?

О. А.: Ну как же. Меня ведь, не спросясь, назначили и. о. завсектором истории физико-математических наук. Я узнала об этом из приказа на доске объявлений.

С. С.: А кого Вы сменили на этом посту?

О. А.: А секторов не было в старом институте.

С. С.: То есть, когда создали сектор, Вы были его первым заведующим?

О. А.: Да, да. Дирекция включила в него сотрудников ИИЕ соответствующего профиля.

С. С.: А как они к Вам отнеслись, ведь это были А. П. Юшкевич, Б. Г. Кузнецов, Э. Я. Кольман, Д. Д. Иваненко, В. П. Зубов? Это же были классики живые...

О. А.: И еще дирекция пригласила работать по совместительству Г. Ф. Рыбкина и, кажется, К. И. Рыбникова. Это была солидная компания. В общем, я сказала ко-

рифеем, что буду их защищать. Дирекция требовала, чтобы все ходили ежедневно на работу в Институт, как чиновники: помещение в то время уже было, столы дали...

В. П.: Когда Вы были заведующим?

О. А.: Полтора года. С октября 1953 г. до апреля 1955 г. По моей инициативе в Комиссию по распределению Министерства высшего образования была послана заявка на астронома. В результате к нам в сектор пришла талантливая выпускница МГУ А. И. Еремеева. И мы вырастили нужного нам специалиста. А с физфака МГУ я взяла уже пожилого П. И. Зюкова, который, можно сказать, полжизни посвятил изучению жизни и творчества Б. Б. Голицына. Моим помощником была Варвара Ивановна Антропова — в то время начинающий, а в дальнейшем известный историк математики — человек большого ума и очень трудной судьбы. В актив сектора при мне вошли Т. Н. Горнштейн, О. П. Миридонова, В. В. Стогов, У. И. Франкфурт; в аспирантуру были приняты Ф. А. Медведев и Л. А. Глебов.

С. С.: Ольга Александровна, а что Вам особенно запомнилось в этот период?

О. А.: Быстрая реакция Д. Д. Иваненко и Б. Г. Кузнецова на смерть Эйнштейна,

еще не прощенного философиями за идеализм, в виде большой статьи в 5-м (по профилю сектора — 1-м) томе «Трудов ИИЕТ». Он вышел в том же 1955 г. Другие издания в 1955 г. успели откликнуться только краткими информационными сообщениями. А редакция журнала «Вопросы философии», чтобы прилично отреагировать на такое событие, вынуждена была обратиться в Польшу к Л. Инфельду.

С. С.: А потом А. Т. Григорьян появился.

О. А.: Да. Сначала в качестве ученого секретаря Института. Его Фигуровский пригласил. Оба работали раньше в Министерстве высшего образования. Ну, конечно, Григорьян — это голова, Григорьян — это вообще глыба. Он умел добиваться желательных решений в вышестоящих инстанциях, да и в международных организациях историков науки.

С. С.: А Н. А. Фигуровский — хороший был директор?

О. А.: Хороший, очень хороший.

С. С.: Ольга Александровна, а с С. И. Вавиловым Вы не пересекались?

О. А.: Лично — нет. Когда я заведовала сектором и участвовала в проверке ленинградских организаций историков науки, то имела дело уже не с Сергеем Ивановичем, а с Владимиром Ивановичем Смирновым — новым председателем Комиссии по истории физико-математических наук. Прелестный человек.

В. П.: Но он и выдающийся математик!

О. А.: Конечно.

С. С.: И Комиссию по истории Академии наук Вы проверяли, да?

О. А.: Возможно. Не помню. И кто ее возглавил после смерти С. И. Вавилова, тоже не помню. В дальнейшем обе комиссии вошли в состав Ленинградского отделения ИИЕТ. Кроме меня проверку проводил очень строгий партийный человек, И. Г. Васильев — завсектором истории строительной техники. Я с большой симпатией относилась к ленинградцам еще со времен аспирантуры, но решал даже не Васильев, а мощная в то время дирекция ИИЕТ. А Сергея Ивановича Вавилова я только один раз слушала в Ленинграде,

будучи еще аспиранткой, когда была в командировке. Он показался мне очень умным, четким, но суховатым руководителем. А некий зуб я имею на Сергея Ивановича Вавилова за его установку, чтобы только сложившиеся физики занимались историей физики.

В. П.: Это Вавилов так говорил?

О. А.: Да, Сергей Иванович. И Я. Г. Дорфман, видимо, так считал. В результате профессиональные физики, попав в Институт, занимались только историей своей отрасли. Понятно, что это способствует углубленному анализу логики рождения новых идей и открытий, но нужны и люди более широко ориентированные. Как мы с Вами (смеется). Ведь невозможно раздуть штаты сектора, чтобы охватить весь спектр специальностей. Но мы отвлеклись.

С. С.: Ольга Александровна, чем Вы стали заниматься, когда заведующим сектором стал А. Т. Григорьян?

О. А.: Какое-то время я продолжала работать над 2-м «зеленым томом», но тут вскоре в верхах возник новый зигзаг: наука в России — это уже никому не нужно, это все прошло. Пишите мировую историю электродинамики. Я и занималась этим, публиковала статьи, планировала монографию... Но от русской физики не отрывалась.

Приближалось 250-летие со дня рождения М. В. Ломоносова, и я с удовольствием приняла приглашение Н. А. Фигуровского участвовать в составлении сопроводительной статьи и комментариев к работам по физике для тома «Избранные труды М. В. Ломоносова по химии и физике» (1961) в академической серии «Классики науки». Наградой мне было незабываемое путешествие в Архангельск — Холмогоры — Денисовку (Ломоносово): переход в темноте след в след за проводником по неустановившемуся льду через Северную Двину, искреннее гостеприимство, неиспорченные цивилизацией лица детей и взрослых, филигранное искусство косторезов.

Тут же вскоре Н. А. Фигуровский получил письмо от зам. главного редактора 2-го тома «Истории Академии наук»

А. В. Предтеченского и заведующего Ленинградским отделением ИИЕТ П. П. Перфильева с просьбой поручить мне написать раздел «Физика» для этого тома. Первый том ленинградцы готовили своими силами (о физике писал А. А. Елисеев). Для второго пригласили Я. Г. Дорфмана — в то время тоже ленинградца. Но его текст редколлегия не удовлетворил. Я категорически отказалась знакомиться с этой рукописью и поехала в Ленинград работать в Архиве Академии наук.

Эта работа принесла мне гораздо большее удовлетворение, чем тексты для «зеленых томов». Речь шла об одном учреждении с ограниченным числом персонажей за 117 лет. Нужно было не обобщать огромный материал множества авторов, а исследовать ситуацию и высказать собственные соображения, свое понимание событий, в частности, о «конкуренции» физики и геофизики в трудах академиков и причинах крена в сторону геофизики. Работу рецензировали академики Н. Н. Андреев и А. А. Лебедев и одобрили. Так что я довольна. Я считаю, что это удачная моя работа.

В. П.: Ольга Александровна, я не помню сейчас точно, какой именно период во втором томе «Истории Академии наук» Вы исследовали?

С. С.: Весь XIX век.

О. А.: Весь XIX и начало XX века до 1917 года. Я там определенную концепцию выявила. Это была творческая работа.

В. П.: А какая была концепция, если коротко?

О. А.: Концепция касалась как раз выбора между физической и геофизической тематикой. В регламенте Академии была предусмотрена одна, позднее две штатные единицы для академиков-физиков, включая геофизическую тематику. При этом России как необъятной стране с климатическим многообразием, в то время преимущественно аграрной, да и как морской державе, геофизические исследования были нужнее. А физика появлялась скорее за счет личной инициативы, как бы «по Арцимовичу». Ведь и Ленц был избран адъюнктом за свои геофизические исследования. Но потом на физику были

выделены сверх штатных сумм деньги, и немалые (112390 рублей, при этом годовой бюджет физического кабинета составлял 2000 рублей), в надежде оснастить русский флот электродвигателями Якоби. Не получилось! И чуть позже К. С. Веселовский решил четко разделить труды — «на пользу науке» и «на пользу России».

С. С.: Веселовский — это Непременный секретарь?

О. А.: Да, Непременный секретарь Академии наук. Неудивительно, что избирали Г. И. Вильда, а затем М. А. Рыкачева, оба метеорологи. А когда Б. Б. Голицын — физик, работавший в Университете «на пользу науке», — был избран адъюнктом по физике, он увидел, что на штатную сумму физического кабинета эксперименты не развернешь, и быстро перешел на геофизическую тематику: «электрифицировал» сейсмологию, получив уже «на пользу России» соответствующие ассигнования. Эту финансовую подоплеку я и проанализировала.

В. П.: Да, это интересно.

О. А.: В то время университеты больше старались вроде бы «на пользу науке». Ведь фактически от Э. Х. Ленца до П. П. Лазарева в Академии физики почти не было. Вернее, физика была поставлена на службу геофизике.

В. П.: Действительно, в Академии наук на протяжении почти всего XIX века кабинет физики в основном был предоставлен геофизике.

О. А.: Нет, не всего. Конец 20-х — начало 70-х гг. — это Паррот, Ленц, Якоби, затем в качестве лаборанта в кабинете работал О. Д. Хвольсон, завершавший исследования, начатые Якоби. Правда, Вильд постепенно все больше вовлекал его в работу по геофизике.

В. П.: Нет, все-таки смотрите, в Академии фактически ни один крупный физик после Ленца не появился.

О. А.: Просто правительство подходило чисто практически. Деньги «на ветер», на какой-то там чисто научный эксперимент не бросали, понимаете?

- В. П.:** И глупо делали. Вот поэтому вся физика и была в университетах, а Академия осталась на бобах. Мы будем отмечать юбилей Академии, а тут с физикой почти полный провал. Стыдно, когда ни один из выдающихся физиков не был академиком: ни Столетов, ни Лебедев, ни Умов — никто. Кстати говоря, именно они настаивали на том, что хорошая прикладная физика может базироваться исключительно на развитой чистой (фундаментальной) науке. Но «геофизический крен» в развитии российской академической физики отмечен, по-моему, верно.
- С. С.:** Именно эту работу Ольги Александровны я использую в своих лекциях по истории научно-технических знаний в России для студентов Историко-архивного института РГГУ.
- В. П.:** Ольга Александровна, я хочу перейти к другому Вашему большому труду.
- С. С.:** К двухтомнику «Развитие физики в СССР за 50 лет» (1967).
- О. А.:** Да, мне предложили быть ученым секретарем редколлегии этого юбилейного издания.
- В. П.:** Началась подготовка, наверное, в начале 60-х гг.?
- О. А.:** Скажу точно — в 1963 году. Сначала эту работу предложили А. Н. Вяльцеву, но он отказался. Как фронтовик и член партии он мог работать «по Арцимовичу»: заниматься тем, что его интересовало. А мне он сказал: «Что Вы делаете? Надо писать монографии». А я дисциплинированный человек...
- В. П.:** Ольга Александровна, этот двухтомник вместе с тем уникальное издание, единственная большая работа по истории советской физики, а некоторые монографии Вяльцева сейчас едва ли кто читает.
- О. А.:** И напрасно. Он исчерпывал первоисточники до дна и делал нетривиальные выводы.
- В. П.:** Не все его книги удачные. Но его книга о дискретном пространстве — времени и сейчас читается, книги по истории элементарных частиц тоже полезны.
- О. А.:** Ладно, не будем отвлекаться на Вяльцева, а то времени не останется.
- В. П.:** Пожалуйста, подробнее расскажите об этой работе над двухтомником.
- О. А.:** Меня с ней примирило то, что я работала с Л. С. Полаком, хотя формально его в Институте уже не было. Как и Д. Д. Иваненко и П. С. Кудрявцев, он был уволен в связи с запрещением совместительств. Работать с Львом Соломоновичем было и интересно, и приятно. А как он умудрился выкрутиться с предисловием...
- В. П.:** А что это за история?
- О. А.:** Заметьте, там нет никакого подхалимажа. В начале «Введения» большая цитата из Тезисов ЦК КПСС к юбилею. И все.
- В. П.:** А на Полака кто-то давил в этом отношении? Ну, например, Арцимович — он же вроде курировал это издание?
- О. А.:** Думаю, что Л. А. Арцимович был с ним солидарен. Но С. Р. Микулинский был совсем другой. Большой политик...
- В. П.:** А Полак много внес в эту работу?
- О. А.:** Ну, а как же. Самое сложное это была структура. Она непрерывно менялась, согласовывалась, перепечатывалась... Иногда из-за того, что не могли найти авторов. В общем, организационную работу мы с ним вместе делали. Он лучше ориентировался в подборе авторов. Я знала только университетских профессоров. При этом Полак напряженно работал в своем институте, а для меня это была основная работа. Я все время с ним советовалась. Иногда мы предлагали какого-то автора, а Арцимович возражал, а тот, кого он предлагал, — отказывался или, еще хуже, соглашался, а статью не давал. К тому же надо было все время держать связь с В. А. Лешковцевым — ученым секретарем Отделения общей и прикладной физики, который уже сам с

Арцимовичем что-то решал. А я с ним разговаривала только один раз. Всего в оглавлении около 70 авторов, а переговоров велись и со многими другими.

В. П.: **Значит, все работы по координации, сбору материалов, фотографий — это Вы и Полак?**

О. А.: Это я и Полак. Но, конечно же, и в секторе помогали. Прежде всего Вы, Владимир Павлович, Л. А. Глебов читали поступающие статьи, высказывали свои соображения. А. И. Еремеева, которая тоже вместе с Полаком готовила том по истории астрономии, ездила в Ленинград разыскивать иллюстрации, в частности портреты репрессированных астрономов, и попутно разыскала для нашего тома портреты репрессированных физиков — В. К. Фредерикса, Ю. А. Круткова.

В. П.: **У нас на семинаре А. И. Еремеева вспоминала об этом и еще об одном заседании тех времен, когда Вы ей записочку передали. Расскажите об этом.**

О. А.: Да, я ее предупредила, что ее доклад запрещен дирекцией и не состоится. Но Я. Г. Дорфман мотивировал отмену доклада тем, что надо дать возможность выступить иногородним докладчикам. Повидимому, речь шла о ее докладе на Пленуме Национального объединения в конце 60-х гг.

С. С.: **А почему на самом деле сняли доклад А. И. Еремеевой?**

О. А.: Она не выполнила приказ об изъятии из тома биографических сведений о репрессированных астрономах. Издательство сообщило об этом в дирекцию Института, ее хотели уволить. Но после настойчивых хлопот Георгия Владимировича Быкова от имени месткома перевели со штатной единицей в Астросовет (в дальнейшем она опубликовала несколько серьезных монографий по истории астрономии). Дело в том, что между 1963 и 1967 гг. хрущевская «оттепель» постепенно «подмораживалась». Мне Семен Романович тоже постепенно сокращал текст о репрессированных сотрудниках старого Института истории науки и техники и в итоге свел к одной глухой фразе. Правда, при этом он порекомендовал сохранить

старые варианты. Портреты, привезенные Алиной Иосифовной и найденные в Москве, мы поместили, но в тексте об этих физиках не упоминалось! Действующие физики вообще склонны писать о более близких к ним временах, а не о 20–30-х годах.

В. П.: **Ольга Александровна, вернемся к двухтомнику...**

О. А.: Ценно, что авторы дали уникальные, в том числе цветные иллюстрации, относящиеся к новейшим достижениям. Я рада, что четверо наших сотрудников участвовали в этих томах как авторы — А. В. Ахутин, Я. Г. Дорфман, И. М. Дунская, и я написала обзор работ по истории физики. С этого момента у меня появилась новая тематика — историографическая. Позже вариант этого обзора (уже не за 50, а за 60 лет советской власти) был опубликован на английском языке в Праге. Параллельно я одна и с Я. Г. Дорфманом, а потом — с Вами, Владимир Павлович, публиковали в ВИЕТ историографические обзоры за последующие более короткие периоды.

В. П.: **Может быть, Вы еще что-нибудь добавите к рассказанному? Все-таки эта работа представляется мне очень важной.**

О. А.: Важно, что мы завершили эту работу в срок. И 6 ноября 1967 г. в Большом театре С. Р. Микулинский вручил наши тома...

С. С.: **Кому?**

О. А.: Президиуму Торжественного заседания в честь 50-летия Октября. Причем книги действительно были прямо из типографии.

С. С.: **Микулинский принес всю серию или только физику и астрономию?**

О. А.: Конечно, и другие. Возможно, что и все. В общем, эти тома съели несколько лет моей жизни, когда я еще была в хорошей творческой форме.

В. П.: **Ну что значит «съели»? Вы сделали хорошую работу, Ольга Александровна!**

О. А.: Но это не моя личная работа.

Встреча сотрудников Института с французским историком науки Р. Татоном. Март 1964 г. Справа налево: О. А. Старосельская-Никитина, О. А. Лезнева, Л. В. Каминер, Р. Татон, Б. М. Кедров, А. С. Федоров, Э. И. Березкина, Н. А. Фигуровский, Н. И. Родный, С. Р. Микулинский

С. С.: Это «колхозный труд», в котором, наверно, теряется личный вклад.

О. А.: Я имею в виду, что докторскую я не сделала.

С. С.: Ольга Александровна, скажите, пожалуйста, как Вы относились к С. Р. Микулинскому?

О. А.: Хорошо. Он тоже много натерпелся... Он заботился о судьбе Института.

В. П.: Какое же Вы получили следующее поручение после юбилейного двухтомника?

О. А.: Наконец-то я получила возможность поставить в план самостоятельно выбранную тему — «Сравнительный анализ развития физики в России и США. XVIII–XIX вв.», имея в виду и традиционный, и науковедческий подходы. Мне было интересно сравнить влияния событий в мировой физике, потребностей народного хозяйства, политического строя, научной политики государств. Применительно к России мне многое уже было ясно, и я погрузилась в американские материалы. В то время среди них не было

обобщающих работ по истории физики в США. Там, как и у нас до середины XX в., исследования концентрировались на биографиях выдающихся физиков. На XIII конгрессе историков науки я доложила о своих результатах по XVIII в. и первой половине XIX в. Параллелизма оказалось гораздо больше, чем контрастов. Диаметрально противоположные системы государственного устройства, финансирования не играли роли по сравнению с императивом прогресса мировой науки и некоторыми действительно совпадающими потребностями обеих стран, связанными с освоением огромных территорий. Я имею в виду геофизический крен, пионерские работы по электромагнитному телеграфу. Параллелизм можно заметить и далее. Два гиганта — Менделеев и Гиббс — принципиальные прорывы на границе физики и химии; Яблочков — Лодыгин — Эдисон — электрическое освещение; Лебедев — Никольс — давление света.

Конечно, сравнения двух стран недостаточно для общих выводов, но работа в этом направлении мне кажется более перспективной для понимания движущих сил развития той или иной науки, чем простое

накопление материала по отдельным странам. Работа моя затянулась. Я должна была отчитаться и представила машинописный текст объемом 440 страниц, но для печати еще не созревший. При обсуждении на дирекции секретарь партбюро С. В. Шухардин сказал, что тратить время на ее доводку нет смысла, так как тема совершенно неактуальна, напечатана такая работа все равно не будет...

Еще раньше я была назначена ученым секретарем астрономической части Энциклопедии истории естествознания (ЭИЕ) и года два работала на этом поприще с Г. М. Идлисом. После смерти инициатора ЭИЕ Р. Я. Штейнмана руководство БСЭ отменило свое решение об издании этой энциклопедии. Особенно неприятно было, что не заплатили авторам за некоторые уже написанные статьи.

С. С.: А сейчас Вы не хотите опубликовать что-нибудь из той большой рукописи?

О. А.: Тогда это было бы свежо и актуально, так как, повторяю, обобщающих книг по истории физики в своей стране у американцев не было. Но за последние 25 лет картина изменилась: новые книги малодоступны, да и я уже не та.

В. П.: Но Вы не затронули еще одно направление, которым Вы занимались...

О. А.: Да, это история электродинамики, которая вылилась, к сожалению, только в серию статей в «Трудах ИИЕТ», ВИЕТ, но после ликвидации «Трудов» возможности публикации статей резко сузились. И тут меня выручил М. Г. Ярошевский. Он приглашал меня на свои конференции, симпозиумы. Потом доклады публиковались в сборниках. Я находила в своем материале сюжеты по их профилю. В сборнике «Научное открытие и его восприятие» (1971) я осветила широкий спектр истолкований открытия Эрстедом, — как позже стало ясно, — магнитного поля тока. На конференции о роли дискуссии в развитии естествознания я сделала доклад «Гальвани и Вольта. Трагизм и благородство поединка». Увы, опубликованы были только тезисы, а статью из сборника выбросили, так как я отказалась снять свои соображения, которые не по-

нравились редактору издательства. Он хотел оставить только конкретные аргументы спора, а дальнейшие судьбы ученых и науки его не интересовали.

В. П.: А что же М. Г. Ярошевский?

О. А.: Ярошевский меня не отстоял. Но он же рекомендовал полный текст этой статьи для сборника «The history of science: Soviet research» (т. 1), в серии «Problems of the contemporary world» (№ 114, 1985), изданного к очередному международному конгрессу историков науки. Так что на английском она опубликована, но перевод неудачный, — без моего участия.

В. П.: А в сборнике «Человек науки» (1974) Вы тоже, кажется, участвовали?

О. А.: Да, там помещена статья «Прошлое, настоящее, будущее в жизни и биографии творческой личности». Там более широкая постановка вопроса, примеры не только из истории электродинамики.

С. С.: Ольга Александровна, скажите, пожалуйста, а как Вы восприняли появление такого направления, как науковедение?

О. А.: Вообще я к появлению науковедения отнеслась очень хорошо. Начал в Киеве Г. М. Добров, у нас в Институте — Н. И. Родный. На Парижском конгрессе 1968 года я не только слушала Д. Прайса, но и выступала экспромтом по его докладу по поводу иных возможностей статистического подхода для более ранних эпох истории науки.

В. П.: Ольга Александровна, но под науковедением Вы понимали и понимаете не чисто количественные аспекты развития науки?

О. А.: Конечно, шире. Включая аспекты экономические, социологические, психологические... Ярошевский, я считаю, очень много сделал в этом направлении...

С. С.: Знаете, а он сам сожалеет об этом. Не о результатах, а о том, что науковедением ему пришлось заниматься под давлением Семена Романовича Микулинского. Он считает, что науковедением, особенно в те времена, заниматься

было всерьез невозможно. Условия государства и общества не позволяли ставить вопросы настоящего науковедения.

В. П.: Нет, я думаю, что все-таки это как-то стимулировало теоретическую мысль.

С. С.: Для истории науки, для развития Института это было очень важно.

О. А.: А вот формальное теоретизирование, например в духе Б. С. Грязнова, я не воспринимаю. Когда укладывают живую науку в заранее заданную схему, какое отношение это имеет к реальному ходу событий? Схоластика. А примеров из истории науки можно подобрать под любую схему. Сколько угодно.

В. П.: Интересное признание; мне же подход Б. С. Грязнова был симпатичен...

О. А.: Единственный из теоретиков, кто, кажется, вырвался из этой жесткой формализации, это Фейерабенд. Вспоминаю бесконечные схоластические споры о принципах периодизации. Какие из них истинно марксистские. Я считаю, что периодизация должна соответствовать задаче исследования. Можно периодизировать и по векам, и по персонам (от Ньютона до Эйнштейна), и по сменам парадигм и т. д.

В. П.: Что касается вопроса периодизации, вполне с Вами согласен.

О. А.: А лучше всего, когда периодизация выявляется в результате исследования, а не задается изначально. Из материала вытекает. Хочу, допустим, взять тему «Электродинамика XIX века». А рубеж, оказывается, был на 14 лет раньше.

В. П.: Ольга Александровна, вот в связи с тем, что мы сейчас затронули, т. е. отнюдь не общими проблемами истории науки, историографических, концептуальных проблем... Вы можете коротко сформулировать свое научное кредо? Как надо делать историю науки? Что бы Вы пожелали начинающему историку науки? Ваши принципы историко-научного исследования?

О. А.: Принципы научного исследования, я думаю, общие для всех наук: уважение к фактам, независимость от авторитетов, знание трудов предшественников. В общем, — общенаучные ценности и общечеловеческие, как, например, «не укради»... Что касается специально истории науки, то здесь так много жанров, что и требования к начинающему могут быть разные. Я думаю, необходимо владеть свободно хотя бы одним из трех языков — французским, английским, немецким, а читать на всех трех, при необходимости и на других. Иначе угрожают большие разочарования, даже если тема касается только отечественной науки. Нужно сочетать изучение первоисточников и литературы, искать архивные документы, а главное — работать головой и не подгонять результаты под заранее придуманные гипотезы.

В. П.: А как Вы относитесь к тому, что называется марксистской историей науки?

О. А.: Так же, как и к диамату. Философы и историки пользовались ими, как дубинкой, нещадно колотя друг друга. Едва ли стоит в это вникать. Мы утонем, если будем обсуждать дальше. Впрочем, и мне пришлось в диссертацию включить соответствующие пассажи. Я там, например, шеллингианца М. Г. Павлова покритиковала за идеализм, да.

В. П.: Павлов был, безусловно, идеалист. Тем более, знаете, раньше какой был принцип? Если крупный ученый, то он всегда материалист. Павлов не был крупным ученым, поэтому его можно было критиковать за идеализм.

О. А.: Я-то считаю, что идеалисты больше могут сделать. Они не скованы, у них воображение раскрепощенное, понимаете? Для них интуиция играет большую роль. Развитие естествознания не обходится без гениев. Они понимали, что озарение — это не физико-химический процесс. И в Бога верили, как правило. А те, кто получил атеистическое воспитание, инстинктивно искали Его в альпинистских походах...

В. П.: Нет, я говорю о том штампе, который был совершенно диким:

О. А. Лежнева и П. С. Кудрявцев. Тамбов, 1974 г.

если крупный ученый, то он обязательно стихийный материаллист. Это было.

О. А.: Да, и мне приходилось делать реверансы в сторону официальной идеологии. Но это пустяки по сравнению со школьным голосованием за расстрелы.

С. С.: Ольга Александровна, вот Вы высказали весьма важную мысль: когда Вы пришли в науку, долгие годы была как бы тематическая заданность — что делать, что изучать и так далее.

О. А.: Да, да. И тематическая, и идеологическая, и административная... Вот уже на рубеже 70–80-х годов вызывает меня С. Р. Микулинский и говорит: «На конгрессе в Румынии будет секция „Женщины в науке“. Подготовьте, пожалуйста, доклад». Я иду в ВАК, считаю

проценты женских защит от общего числа кандидатских и докторских диссертаций по разным естественно-научным специальностям.

В. П.: Теперь это весьма модная тема.

О. А.: Впервые в моей работе появляется статистика. Получена кустарным, но надежным методом. Еду на конгресс. Оказалось, румынский оргкомитет наметил мое выступление по телевидению. Поэтому, как только мы приехали, стали искать, а кто тут Лежнева. Ну я с одобрения начальства и высказалась на телевидении насчет того, как хорошо, что в Румынии женщины занимаются ответственной государственной работой: вот Елена Чаушеску — активный политический деятель... Там меня включили в комиссию «Женщины в истории естествознания, техники и медицины» Международного союза историков науки... К симпозиуму

этой комиссии, который состоялся через два года в Веспреме — очаровательном старинном венгерском городке, — я разработала подробную структуру библиографии по теме «Женщины в истории естествознания» для всех времен и народов. Пришлось серьезно вникнуть в эту новую для меня тематику.

В. П.: У Вас есть публикации на эту тему?

О. А.: Доклад на конгрессе опубликован в его трудах. А библиографическую схему я раздала участникам симпозиума. На этом новая линия моей деятельности завершилась. Реализация — т. е. наполнение схемы фактическим материалом — требовала серьезного финансирования. Тогда не было теперешних фондов, штаты в ИИЕТ и ИНИОН были фиксированные.

В. П.: Понятно.

С. С.: Ольга Александровна, еще один весьма существенный вопрос не затронут.

О. А.: Какой?

С. С.: Насколько я понимаю, Вы не покидали до сегодняшнего дня историю физики, хотя у Вас произошел еще один резкий переход внутри истории науки — к библиографии.

О. А.: Забыла! Возможно, потому, что я уже опубликовала по Вашему предложению, Симон Семенович, краткую историю группы научной библиографии ИНИОН при ИИЕТ в сборнике Института «Годичная научная конференция» (1997, ч. 1).

С. С.: Я правильно сформулировал, что история физики не терялась никогда?

О. А.: Безусловно. А с переходом в библиографию все было очень просто. Я как раз достигла пенсионного возраста и не уложились в однажды уже продленный срок с темой по сравнительному анализу развития физики в России и Америке. Дорфман меня недолюбливал. Может быть, он уловил мое разочарование, когда он неожиданно оказался во главе сектора истории

физики и химии, специально сформированного для Л. С. Полака (в соответствии с законом Паркинсона!). Перечить директору, предложившему мне новую работу, в этой ситуации было нецелесообразно. Дело в том, что за несколько месяцев перед этим, по неизвестным мне причинам, С. Р. Микулинский предложил Л. В. Каминер уйти на пенсию. Группа осталась без руководителя, так как предложенная им кандидатура вызывала резкое неприятие. Сотрудницы обращались в партбюро, это тянулось долго, пока Микулинский не предложил эту работу мне. Я знала, что Любовь Вениаминовна мне поможет. И Наташа Лаврова — главный библиограф по истории астрономии в нашей стране. Большой опыт имели уже Л. Я. Павлова и П. В. Пильщикова. И в ИНИОН в то время понимали уникальность нашего фундаментального указателя, обслуживающего потребности не только историков естествознания, но и самих естествоиспытателей, науковедов, педагогов всех уровней, популяризаторов и т. д. Замдиректора ИНИОН И. А. Ходош оказывала материальную поддержку, оплачивая редакторов, машинисток. Новые же люди стали рассматривать группу как придаток к библиотеке. В последние годы усугубились трудности, связанные с тем, что я была в штате ИИЕТ, а мои библиографы в штате ИНИОН, для которого наша тематика как пограничная между общественными и естественными науками большого интереса не представляла.

В. П.: Да, это понятно. Ситуация ненормальная.

С. С.: А Вы не сожалеете?

О. А.: Что в библиографию ушла?

С. С.: Да.

О. А.: Нет, не сожалею. Все-таки при мне вышли пять томов (с 5-го по 9-й) библиографии «История естествознания. Литература, опубликованная в СССР», и первая часть 11-го. А 10-й том сейчас дорабатывается.

С. С.: При этом Вы все время продолжали заниматься историей физики?

О. А.: Да, писала статьи, организовывала конференции, участвовала в междуна-

родных конгрессах, где центром притяжения историков физики всех стран всегда был Д. Д. Иваненко. К сожалению, из-за железного занавеса и «железной вуальки» мои личные контакты с коллегами из других стран в лучшем случае ограничивались лишь обменом оттисками, книгами. Особенно интересны и полезны мне были блестяще иллюстрированные издания известного энтузиаста истории физики и электротехники Берна Дибнера, шведского исследователя с теми же интересами Стига Экелёфа, японского историка физики XX века Тэту Хиросиге, историков творчества женщин-ученых Маргарет Росситер, Энн Хибнер Коблитц.

С. С.: Но все вместе это требовало огромных сил, энергии, времени...

О. А.: Ну, конечно. Руководство группой мне было поручено приказом директора, но я не теряла связи с сектором.

В. П.: В области истории физики Вы были активны вплоть до самого последнего времени. Вами написан раздел по истории домаксвелловской электродинамики в недавно вышедшей книге сектора «Физика XIX века» (1995 г.).

О. А.: Верно, а в 1985 г. я опубликовала доклад «Максвелл в России» в сборнике к 150-летию со дня его рождения.

В. П.: Ольга Александровна, конечно, если бы Вас не бросали на самые разные участки и Вы занимались бы последовательно одним на-

правлением, то могли бы написать докторскую диссертацию и выпустить несколько монографий? Вы согласны с этим?

О. А.: Вот именно, я скакала по всем жанрам истории физики и высочила на поле истории естествознания в целом: в библиографию и мимоходом в науковедение. Не могу сказать, что я удовлетворена итогами своей работы. Но все-таки, что смогла — сделала.

Я очень ценю сам факт, что (при моих начальных условиях) почти 50 лет проработала в уникальном для нашего профиля как по количеству сотрудников, так и по разнообразию специальностей академическом институте. Общение с ушедшими уже старейшими сотрудниками помогало профессиональному росту, расширяло кругозор. Без Института я никогда бы не увидела дома в Железовой Воле, где рос Шопен, не ощутила бы, как почитают в Шотландии Вальтера Скотта и как отторгают в Англии Байрона, не насладилась бы красками Беато Анжелико во Флоренции и Кандинского в Париже, не испытала бы шока при выходе из автобуса на зеленую лужайку с беломраморным квартетом в Пизе. Я уже не говорю об архитектуре, ритме, общей атмосфере каждого из великих и малых городов Европы, где проходили наши конгрессы и симпозиумы.

Тот, кто не увидит в моей судьбе Божьей помощи, пусть продолжает возмущаться восстановлением Храма Христа Спасителя.

С. С.: Дорогая Ольга Александровна!

Огромное Вам спасибо за Ваш чрезвычайно интересный и многотрудный рассказ. Прожитая Вами жизнь, все пережитое, Ваш житейский и исследовательский опыт, безусловно, привлекут внимание читателей нашего журнала, и Ваши слова будут особенно значимы для молодого поколения историков науки и техники.

В. П.: Доброго Вам здоровья, неиссякающей творческой энергии!

Беседу вели Вл. П. Визгин и С. С. Илизаров